

УДК 811. 35

DOI: 10.31029/vestiyali22/2

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ И СКЛОНЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДАРГИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

С. М. Темирбулатова

Статья посвящена исследованию личных местоимений в даргинских диалектах, в которых засвидетельствованы две разные лексические единицы, обозначающие 1-е лицо ед. ч.: **ду** и **ну** «я». Выявлены и описаны особенности их склонения и образования мн. числа. Даны парадигмы склонения инклюзивных (**нихьхьа**) и эксклюзивных (**нисса**) форм местоимений в хайдакском, цудахарском и чирагском диалектах. Формы инклюзива и эксклюзива, не представленные в даргинском литературном языке и в большинстве диалектов даргинского языка, обнаруживают генетически общие лексические параллели в аваро-андийских, цезских и лезгинских языках, что свидетельствует об их древнем происхождении.

Ключевые слова: диалектные варианты личных местоимений, парадигмы склонения, множественное число, формы инклюзива и эксклюзива, семантическое развитие, семантические сдвиги, корневые согласные.

The article deals with the study of personal pronouns in Dargin dialects, in which two different lexical units are attested, denoting the 1st person of the unit: **du** and **nu** “I”. The features of their declension and formation of plural are identified and described. Paradigms of declension of inclusive (**nihhya**) and exclusive (**nyssa**) forms of pronouns in the Khaidak, Tsudakhar and Chirag dialects are given. Forms of inclusion and exclusivity that are not represented in the Dargin literary language and in most dialects of the Dargin language show genetically common lexical parallels in the Avar-Andean, Tsez and Lezgin languages, which indicate their ancient origin.

Key words: dialect variants of personal pronouns, paradigms of declension, plural, forms of inclusion and exclusivity, semantic development, semantic shifts, root consonants.

В даргинских диалектах функционируют два личных местоимения 1-го лица ед. числа. В диалектах акушинской группы – в акушинском, губденском, урахинском, мекегинском, муйринском – представлена основа **ну** «я» (**ну**-диалекты); в диалектах же цудахарской группы – в хайдакском, кубачинском, сирхинском, чирахском, цудахарском – основа **ду** «я» (**ду**-диалекты). «Это явление в историческом аспекте представляет несомненный интерес. Есть основание предполагать, что корневые морфемы **н**, **д** в дейктонимических формах 1-го лица **ну** и **ду** являются историческими показателями полового (первично) или социального (вторично) деления людей – женщин и мужчин: когда говорила женщина – произносила “ну”, а когда мужчина – “ду”», – писал З. Г. Абдуллаев [1, с. 10].

Местоимение **ду** «я» соотносится с общекорневыми формами аваро-андо-цезских языков, ср. беж., хвар. **до**, цез. **ди**, гин. **де**, гунз. **дя**, авар. **дун**, ботл. **дин** и др., общекорневой элемент «**д**». Оно в даргинских диалектах утратило детерминативный элемент **-н**, как и словоформы цезских языков.

© С. М. Темирбулатова, 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

Исходной для даргинских местоимений была, возможно, общедаргинская праформа **дуну*, которая впоследствии распалась на два самостоятельных местоимения. Ср. в лакском языке: прямая основа *на* «я», косвенная *тту* <**ду*, реконструируемая форма **дун* (*а*) [2, с. 16] и ср. живые эквиваленты аваро-андо-цезских языков: авар. *дун*, анд. *дин//ден*, ахвах. *дене* «я».

Литературная форма *ну* «я», представленная в диалектах акушинской группы, имеет общий корневой элемент *-н* с лакским местоимением *на* «я».

Местоимение 2-го лица ед. числа хайд. *и* (<**ьи*) и куб. *у* (<**ьу*) «ты», дарг. литер. *хIу* (акуш., уркар.), цуд., чир. *гIу*, амух. *гьу* в литературе чаще фиксируют без корневого согласного – латентного ларингала *ь*, который соответствует фарингальным согласным *гI*, *хI*, *гь* в других диалектных формах.

Местоимение *ду* в хайдакском, кубачинском, сирхинском, цудахарском диалектах имеет полную парадигму склонения, в то время как в парадигме склонения *ну* в литературном языке, урахинском и некоторых других диалектах представлены две ветви форм – формы от *ну* и формы от *ду*.

Представим таблицу склонения местоимений *ду* «я» и *ьи* «ты» в хайдакском диалекте даргинского языка в сопоставлении с даргинским литературным языком:

Ном.	<i>ду</i>	(<i>ну</i> «я»)	<i>ьи</i>	(<i>хIу</i>)
Эргат.	<i>ду-ли</i>	(<i>ну-ни</i>)	<i>ьи-ли</i>	(<i>хIу-ни</i>)
Генит.	<i>ди-ла</i>	(<i>ди-ла</i>)	<i>ьи-ла</i>	(<i>хIе-ла</i>)
Дат.	<i>да-м</i>	(<i>наб</i>)	<i>ьэ-т</i>	(<i>хIе-д</i>)
Комит.	<i>ди-цце-лли</i>	(<i>наб-чил</i>)	<i>ьи-ццелли</i>	(<i>хIе-чи-л</i>)
Адит.- локат.	1. <i>ди-цици</i>	(<i>наб-зи(б)</i>)	<i>ьици</i>	(<i>хIе-зи(-б)</i>)
	2. <i>ди-сса</i>	(<i>набчи</i>)	<i>ьисса</i>	(<i>хIе-чи(-б)</i>)
	3. <i>ди-жи</i>	(<i>наб-чиб</i>)	<i>ьижжи</i>	(<i>хIе-чи(-б)</i>)
	4. <i>ди-гу</i>	(<i>ди-у(б)</i>)	<i>ьи-гу</i>	(<i>хIу-у(-б)</i>)
				и т. д.

В хайдакских местоимениях много своеобразного, отличительного от местоимений других даргинских диалектов и литературного языка.

Во мн. числе 1-го лица различаются формы инклюзива и эксклюзива, но они не являются формами, образованными от хайдакского местоимения *ду* «я», а соотносимы с местоимением *ну*, представленным в литературном языке и других диалектах: *нихьхьа* «мы» (инклюзив), *нисса* (санч. гов.) и *нусса* (баршам. гов.) «мы» (эксклюзив).

Ед. число		Мн. число
1 л. <i>ду</i> (<i>ну</i>)*	инклюзив	<i>нихьхьа</i> (<i>нуша</i>)
	эксклюзив	<i>нисса</i> // <i>нусса</i> «мы»
2 л. <i>ьи</i> (<i>хIу</i>)	<i>нушша</i> (<i>хIуша</i>)	<i>нишша</i> (<i>хIуша</i>) «вы»

Эксклюзивная форма *нусса* «мы» представлена в баршамайском говоре, *нишша* «вы» – в джибахнинском, карацанском, ирчамульском говорах.

Форма 2-го лица мн. числа также образована от основы *ну* «я» – *нушша* «вы», карац., джибахн. гов. *нишша* «вы», хотя следовало ожидать образования мн. числа 2-го лица от формы ед. числа 2-го лица *ьи* «ты» по аналогии с литературными формами *хIу* «ты» – *хIуша* «вы».

Все формы мн. числа 1-го и 2-го лица в хайдакском диалекте образуются чередованием корневых геминированных согласных *хьхь* → *шш* → *сс*. В формах инклюзива и эксклюзива противопоставляются корни *хьхь* → *сс*, а в форме 2-го лица им противопоставляется ге-

* Здесь и далее в скобках приводятся формы местоимений даргинского литературного языка.

минированный шипящий спирант *шш(щ)*. Варианты говоров различаются чередованием предкорневых гласных *и/у*: *нисса//нусса* «мы» (эксклюзив); *нишиша//нушиша* «вы».

Общие корневые согласные – показатели эксклюзивных форм отмечены в андийских языках: андийском, ботлихском, годоберинском, каратинском, багвалинском, тиндинском – *ш*, в ахвахском и чамалинском – *сс* [3, 119].

Следует отметить, что наиболее близкие к хайдакским формы инклюзива и эксклюзива функционируют в закатальском диалекте аварского языка и в аварском литературном языке: ср. хайд. *нихьхьа* «мы» (инклюзив) – закат. *нихь*, авар. *нильль*, *нилI*, хайд. *нисса*, *нусса* – авар. *ниж* «мы» (эксклюзив). Эти факты свидетельствуют об их древнем, праязыковом происхождении; исчезнув в течение веков в большинстве даргинских диалектов, они сохранились в небольших островках – зонах консервации: хайдакском, сирхинском, чирагском и цудахарском.

Вероятно, не случайно также наличие во всех этих формах предкорневого общего элемента *ни-*. Здесь выявляются не только общекорневые элементы, но и общностные основы форм инклюзива-эксклюзива хайдакских (даргинских) и аварских форм: *нихьхьа* (хайд.), *нихь* (закат.), *нильль*, *нилI* (авар.) «мы» – инклюзив и *ниж* (авар.), *нища//нуща* (хайд.). Наличие в этих формах предкорневого общего элемента свидетельствует, по-видимому, об их более древней форме. Если исходить из положения Н. С. Трубецкого о том «что во всех словах, где арчинский и языки аваро-андийской группы имеют глухие латеральные спиранты (λ' , λ и $\lambda\lambda$), необходимо предполагать исходный x (x' , xx)» [8, с. 243], то хайдакская форма инклюзива *нихьхьа* – одна из наиболее древних.

Впервые наличие инклюзивно-эксклюзивных форм в хайдакском и цудахарском диалектах засвидетельствовала С. Л. Быховская, но приняла инклюзивную форму за эксклюзивную форму и наоборот. О значениях этих форм она пишет: «...не всегда ясны без полного контекста особенности значений той и другой формы, но... можно ясно проследить, что *нихьхьа* употребляется тогда, когда говорящие хотят выделить определенную группу лиц... инклюзив выражается через *нисса*, эксклюзив – через *нихьхьа*» – отмечает она [4, с. 86–87].

Формы инклюзива и эксклюзива встречаются и в чирагском диалекте: *нухьхьа* (инклюзив), *нусса* (эксклюзив), соответствующие цудахарским *нихьхьа* и *нишиша*.

Интересно отметить, что цудахарская эксклюзивная форма *нишиша* «мы» идентична форме 2-го лица мн. числа *нишиша* «вы» в хайдакских говорах. Форма же 2-го лица мн. числа санчинского говора *нушиша* «вы» почти совпадает с литературной формой 1-го лица мн. числа *нуша* «мы» с той лишь разницей, что в хайдакской форме корневой согласный *шш(щ)* gemинированный. Все формы мн. числа, засвидетельствованные в чирагском и цудахарском диалектах, за исключением *нухьхьа* (инклюзив), представлены и в хайдакских говорах. В хайдакском диалекте всего пять форм местоимений мн. числа 1-го и 2-го лица: одна инклюзивная – *нихьхьа*, две эксклюзивные *нисса//нусса* и две – 2 лица мн. числа *нушиша* и *нишиша* по говорам.

Инклюзивно-эксклюзивные формы местоимений в цудахарском диалекте даргинского языка не имеют полных парадигм склонения. *Нухьхьа* (инклюзив) имеет формы именительного и эргативного падежа, а формы остальных падежей образуются от основы эксклюзива – *нишиша*, которая появляется в речи только как основа косвенных падежей, а в форме именительного падежа не употребляется: обе формы входят в одну парадигму склонения и употребляются в одном значении.

Ном.	<i>нухьхьа</i>
Эргат.	<i>нухьхьа-ле</i>
Генит.	<i>нишиша-ла</i>
Дат.	<i>нишиша-б</i>
Совм.	<i>нишиша-цилла</i>
Комит.	<i>нишиша-яла</i>
Орудн.	<i>нишиша-ябле</i>

Наличие разных основ для 1-го лица мн. числа в цудахарском диалекте является пережитком существовавшего в нем некогда инклюзива и эксклюзива, – приходит к выводу С. Л. Быховская [4, с. 88].

В хайдакском же диалекте сохранились живые формы инклюзива и эксклюзива: *нихъхъа* и *нисса* и полные парадигмы их склонения [7, с. 128].

	Инклюзив	Эксклюзив	
Ном.	<i>нихъхъа</i> ,	<i>нисса</i>	<i>нусса</i>
Эрг.	<i>нихъхъали</i> ,	<i>ниссали</i>	<i>нуссали</i>
Ген.	<i>нихъхъала, нихъхъа-(гов.)</i>	<i>ниссала, нисса (гов.)</i>	<i>нуссала</i>
Дат.	<i>нихъхъав (иж)</i> <i>нихъхъав (жи)</i>	<i>ниссав (иж)</i> <i>ниссавжи</i>	<i>нуссав(иж)</i>
Комит.	<i>нихъхъа-целли,</i> <i>нихъхъа-цилли</i>	<i>нисса-целли</i> <i>нисса-цилли</i>	<i>нусса-целли</i> <i>нусса-цилли</i>
Адит. 1.	<i>нихъхъа-сса</i>	<i>нисса-сса</i>	<i>нусса-сса</i>
-локат	<i>нихъхъа-ца</i>	<i>нисса-ца</i>	<i>нусса-ца</i>
	2. <i>нихъхъа-цици</i>	<i>нисса-цици</i>	<i>нусса-цици</i>
	3. <i>нихъхъа-гу</i>	<i>нисса-гу</i>	<i>нусса-гу</i>
Аблат. 1.	<i>нихъхъа-ссар</i>	<i>нисса-ссар</i>	<i>нусса-ссар</i>
	<i>нихъхъа-цар</i>	<i>нисса-цар</i>	
	2. <i>нихъхъа-цицир</i>	<i>нисса-цицир</i>	<i>нусса-цицир</i>
	3. <i>нихъхъа-гур</i>	<i>нисса-гур</i>	<i>нусса-гур</i>
			и т. д.

Начальная основа местоимения не изменяется при склонении: к неизменяемой основе присоединяется формант падежа; адитивно-локативные формы образуются от начальной основы; аблативные – от адитивно-локативных форм; последующие общенаправительные и дестинативные формы образуются от аблативных форм.

Аналогичные парадигмы склонения имеют и формы множественного числа 2-го лица.

Ном.	<i>нушиша</i>	<i>нишиша «вы»</i>
Эргат.	<i>нушиша-ли</i>	<i>нишиша-ли</i>
Ген.	<i>нушиша -ла</i>	<i>нишиша-ла</i>
Дат.	<i>нушиша-в (иж)</i>	<i>нишиша-в(ижи)</i>
Комит.	<i>нушиша-целли</i>	<i>нишиша-цилли</i>
Адит.- локат.	1. <i>нушиша-сса</i>	<i>нишиша-ца</i>
	2. <i>нушиша-цици</i>	<i>нишиша-цици</i>
	3. <i>нушиша-гу</i>	<i>нишиша-гу</i>
Аблат.	1. <i>нушиша-ссар</i>	<i>нишиша-ссар</i>
	2. <i>нушиша-цицир</i>	<i>нишиша-цицир</i>
	3. <i>нушиша-гур</i>	<i>нишиша-гур</i>
		и т. д.

Корневые согласные инклюзивных, эксклюзивных форм и формы мн. числа 2-го лица *хъхъ* → *ши* → *сс* производны друг от друга, и дифференциация всех форм мн. числа в хайдакском диалекте представляется возникшей в результате морфологизации различных фонетических «вариантов».

«Согласный *n* в форме личного местоимения «вы» не встречается ни в одном диалекте, за исключением хайдакского. Формы *нишиша*//*нушиша* почти во всех остальных диалектах даргинского языка выражают понятие «мы», а не «вы», как это бывает в хайдакском», – отмечает Ш. Г. Гаприндашвили [5, с. 170].

В этой связи обращает внимание ицаринская форма *нушиша*, которая совмещает значение «мы» и «вы». Вероятно, в ицаринском диалекте даргинского языка сохранилось более древнее состояние, чем в других диалектах, в которых уже появились специальные формы для мн. числа 1-го и 2-го лица. В одних диалектах (хайдакском) *нушиша* стало обозначать «вы», в других диалектах *нуша* «мы».

Явление дифференциации двух форм из одной основы для выражения разных значений в разных диалектах даргинского языка подтверждает бытующее в специальной литературе мнение, что «различение форм единственного и множественного числа впервые появилось в сфере личного местоимения 1-го лица, отсюда распространялось сначала на 2-е, потом на 3-е лицо» [6, с.176].

Возможно, в хайдакском диалекте даргинского языка сохранилось архаичное состояние, при котором до сих пор отсутствует форма множественного числа, образованная от местоимения 2-го лица ед. числа, как в других диалектах. В большинстве даргинских диалектов от *xIy* «ты» образуется форма мн. числа *xIysha* «вы», а в хайдакских говорах для 2-го лица мн. числа используется форма, полученная способом семантического сдвига и изменения корня и предкорневого гласного от формы 1-го лица мн. числа *нуша* «мы» > *нушиша* и *нишиша* «вы».

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что местоимения 1-го лица ед. числа *ду* и *ну* «я» и формы инклюзива и эксклюзива даргинских диалектов имеют единый источник происхождения с другими дагестанскими языками. В одних диалектах сохранились их живые формы с полной парадигмой склонения, в других они утратились, в третьих две формы объединились в одну парадигму склонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев З. Г.* Даргинский язык: в 3 т. Т. 2. Морфология. М.: Наука, 1993. 473 с.
2. *Абдуллаев И. Х.* К истории основ личных местоимений в лакском языке // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. С. 15–21.
3. *Атаев Б. М.* Некоторые замечания о генезисе форм инклюзива и эксклюзива в аваро-андоцезских языках // Местоимение в языках Дагестана. Махачкала, 1983. С. 117–122.
4. *Быховская С. Л.* Пережитки *inclusiva* и *exclusiva* в даргинских диалектах // Язык и мышление. М.;Л.: Наука, 1940. Т. IX. С. 85–90.
5. *Гаприндашвили Ш. Г.* К генезису *нишиша* «вы» в хайдакском диалекте даргинского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1953. Т. IV. С. 167–172.
6. *Майтинская Р. Е.* Местоимение в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 306 с.
7. *Темирбулатова С. М.* Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004. 301 с.
8. *Трубецкой Н. С.* Латеральные согласные в северокавказских языках // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 233–247.

Поступила в редакцию
27.03.2020.

Темирбулатова Сапиятханум Мургузалиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: Sapiiakhanum@mail.ru

Temirbulatova Sapiyakhanum Murtuzalievna,
Doctor of Philology, leading research worker,
the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and
Art, DFRC of RAS;
e-mail: Sapiiakhanum@mail.ru